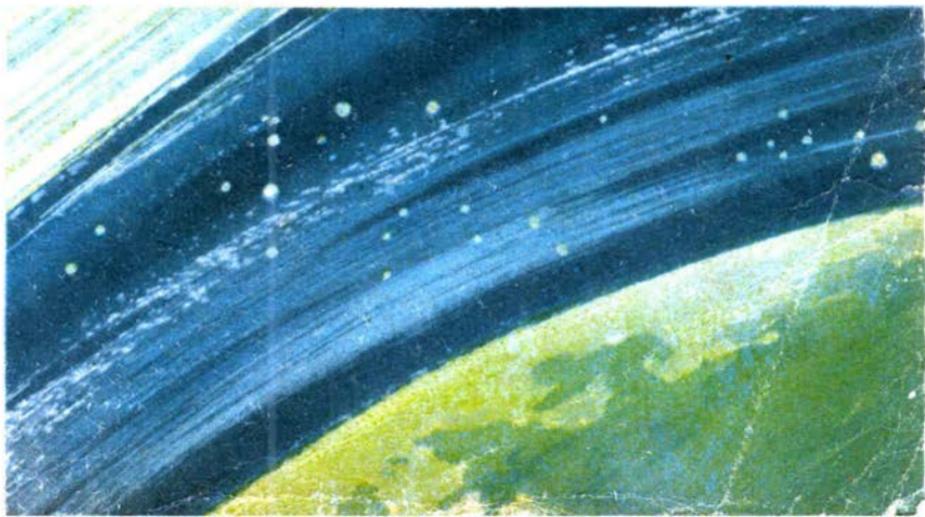


6  
1964

# ЦСКАТЕЛЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ  
К ЖУРНАЛУ  
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА



ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА

М. РЕБРОВ,  
Н. МЕЛЬНИКОВ

# ТРОЕ НА „ВОСХОДЕ“

...Мы привыкли видеть такое: по бетонным плитам стартовой площадки шагает космонавт, одетый в неземной костюм. Шагает один к ожидающей его, готовой к взлету ракете, по-домашнему обжитому кораблю. Теперь шагают трое. Три космонавта, отличных друг от друга и по характерам и по профессиям, но спящих вместе в одно целое — экипаж. И одеты они не в скафандры, а в легкие синтетические костюмы.

Последние метры по земле...

Космонавты шагают к ракете. Всего два дня назад оформился экипаж, но сплотился он давно, на совместных тренировках. Даже еще раньше. Научный работник Феоктистов читал лекции в группе космонавтов. Комаров был у него «внештатным» помощником. Учитель и ученик подружились.

Борис Егоров дежурил у сурдокамеры, где за толстыми стенами сидел Комаров. Когда Борис Егоров говорил на митинге: «Мы трое — сплоченный коллектив», в его словах никто не чувствовал преувеличения. Так оно и есть — в космос отправляется дружный, надежный коллектив.

Лифт увез космическую тройку к вершине ракеты. Оттуда они шлют прощальный привет. Мы отправляемся на наблюдательный пункт.

Космонавты видны на экране телевизора. Над экраном склонился Андриян Николаев.

— Володя, как всегда, спокоен, — отмечает он с удовольствием.

— Я вижу, как мило улыбается Константин Петрович, — слышны по радио голос Главного конструктора.

Мы тоже смотрим на Феоктистова: верно, улыбается. Настроение экипажа прекрасное. Это подтверждает и Гагарин, который, как обычно на пусках, держит связь с космонавтами.

— Все идет хорошо, по программе.

— Старт!

Сверкнуло ракетное пламя.

Новая мощная ракета-носитель вывела на орбиту первый в мире многоместный космический корабль «Восход». Полет Владимира Михайловича Комарова, Константина Петровича Феоктистова, Бориса Борисовича Егорова — это новый, чрезвычайно важный этап в планомерном освоении космического пространства. Впервые в космосе работает коллектив исследователей.



## КОМАНДИР КОРАБЛЯ

Начальник космонавтов не спеша читал официальное заключение, присланное из госпиталя. Владимир Комаров напряженно ждал. Решалась его судьба.

— Ну что ж, все понятно, — подняв голову, проговорил начальник.

— Что понятно?

— Понятна твоя печаль, Володя, — мягко разъяснил начальник. — Я думаю, все обойдется полегче. А тут, видишь, написали: «После операции шесть месяцев противопоказаны перегрузки, парашютные прыжки...» Шесть месяцев! Слишком долго.

— Долговато, — тяжело вздохнул Владимир.

— И что ты будешь делать эти шесть месяцев?

— Буду работать, — ответил Владимир. — Помогу ребятам в изучении теории. Все-таки я инженер, окончил академию.

— Знаю, — кивнул головой начальник. — В теории ты силен. А специальные тренировки? Ведь отстанешь за шесть месяцев... Товарищи далеко уйдут.

— Догоню, — горячо воскликнул Владимир, — честное слово, догоню! Поверьте мне...

Начальник космонавтов, взвесив все «за» и «против», склонялся к тому, чтобы поставить точки над «и». И все-таки что-то останавливало начальника. Он не торопился принять окончательное решение. Может, ждал, что скажет сам Владимир? Владимир сказал: «Поверьте мне...» Из глубины души вырвались эти слова.

Начальник поднял голову, прямо, открыто посмотрел на Владимира. «А глаза у него не жалкие, не просящие. В них твердость, уверенность», — заметил он. И неожиданно для себя проговорил:

— Все зависит от тебя, Володя... От твоего запаса прочности. Еще раз сам себя проверь: можешь ли выдержать необычные жизненные перегрузки? На сколько тебя хватит? Убедись сам. А потом убеди других. Понял меня?

— Понял, — ответил Владимир.

\* \* \*

Владимир убедил всех. Начальник космонавтов писал: «Он побывал у видных армейских специалистов-врачей. Его приняли старшие начальники... Везде он доказывал свое. Мне звонили. Чувствовалось, что и начальников и врачей-специалистов Владимир покорила страстной устремленностью к цели. За него хлопотали и товарищи. Они просили, доказывали, убеждали: Владимира надо оставить в группе... Было решено: наблюдать, как он покажет себя на тренировках.

На теоретических занятиях Владимир давно себя показал: он помогал всем, кто «спотыкался» на трудных формулах, интегралах. Материал знал, как говорили ребята, «не хуже самого Цезаря», то есть преподавателя по ракетной технике Цезаря Васильевича. Кроме того, у него был дар — объяснять сложное удивительно просто, доходчиво.

Когда стали осваивать корабль, попросили опять Владимира: «Помоги». Он разобрался во всех сложных конструкциях, одним из первых обжил «домик», стал помогать инструктору тренировать группу. Строго спрашивал, но ребята не обижались. Даже просили: «Записывай наши ошибки». Вначале записей было много. Потом все меньше и меньше. Юрий Гагарин удивился: «Почему против моей фамилии пустое место?» — «Значит, нет ошибок», — ответил Владимир. Юрий просиял: «Пора лететь в космос». Он тогда еще не знал, что скоро полетит...

Владимир отделялся от товарищей, когда те шли на «жесткие» испытания. Время от времени смотрел со стороны, как они «кружились» на центрифуге, на роторе, закрывали за собой дверь в барокамеру, теплокамеру, с грустью провожал

отъезжающих на парашютные прыжки. Тяжелая это доля — быть сторонним наблюдателем.

Однажды после очередного осмотра врач сказал: «Можно попробовать». Владимира допустили до центрифуги. Правда, дозу перегрузки определили пока небольшую. Нельзя сразу по «высшей категории». Вместе с Владимиром пошли товарищи. Дорогой они упрасивали врача: «Нельзя ли прибавить дозу?» — «Посмотрим», — неопределенно ответил врач.

Первую нагрузку Владимир выдержал легко. Чуть прибавили. Еще... Никаких отклонений от нормы. На большее врач не решился. Можно переступить границу разумного. Владимиру и так дали чуть ли не вдвое выше перегрузки, чем определили вначале. Теперь было ясно: постепенно, умножая силу, он догонит товарищей, достигнет «высшей категории».

— Что мы говорили! — ликовали товарищи. — Подождите, Володя скоро полетит в космос!

До космоса было еще далеко. Не известно, чем закончатся парашютные прыжки. Конечно, самое трудное — начало. Может, потому на первые прыжки вместе с Владимиром отправились два инструктора — один постоянный, штатный, и один добровольный. Доброволец — самый опытный парашютист. Потом он рассказывал нам:

— Я первый прыгнул, Володя — вслед. Уверенно, без всякой робости прыгнул. Я даже удивился. Мы начинали не так уж спокойно. Володя — молодец! Снижаемся близко друг от друга. Он кричит: «Можно свистеть». — «Как свистеть?» — не понял я. «Очень легко, приятно», — уточняет он. Слышимость вверх хорошая. Снижаемся, разговариваем, будто в самолете. Я советую Володе: «Развернись вправо». Он разворачивается... Приземлились хорошо. Помогли друг другу собрать парашюты. Он говорит: «Давай еще». Наш инструктор не возражает. В общем за одну командировку мы выполнили две программы. Прыгали и на землю и на воду. Володя наверстывал с утроенной энергией.

Через пять месяцев Владимир Комаров стал полноценным летчиком-космонавтом: он полностью нагнал группу.

\* \* \*

...У вершины ракеты есть маленькая площадка. Она примыкает к самому кораблю. Просто-напросто от стальной фермы перекинут к нему мостик. Площадка — как прихожая дома: поднимется космонавт на лифте, прежде всего ступит на площадку, он не торопится ее покинуть. Нет, встанет, оглянется вокруг. Вся стартовая позиция и прилегающие к ней окрестности перед глазами. Сверху все видно. Космонавт полюбуется окружающим видом, помашет рукой земле, людям, оставшимся внизу, и шагнет в корабль. Он скоро полетит. А за день, за два до полета? И в это время космонавты, проведывая свой корабль, обживая его перед стартом, останавливаются на высотной площадке.

У Владимира Комарова с той площадкой связана незабываемая встреча с Главным конструктором. Это было два с лишним года назад, за день до полета Павла Поповича. Павел си-

дел в корабле, а Владимир стоял на площадке, облокотившись на перила, и ждал своей очереди занять кресло. Он не отвлекал Павла — надо человеку побыть одному, наедине с собой, сосредоточиться, подумать. Чуткость — вторая натура космонавта. Владимир увидел внизу, на стартовой площадке, знакомых людей (выглядели они совсем крохотными), увидел, как заходило за горизонт солнце... И не заметил, что рядом с ним остановился Главный конструктор.

— Как настроение, Владимир Михайлович? — спросил с приветливой улыбкой.

— Отличное настроение, — ответил Владимир. — Завтра проводим Пашу. Его полет для меня все равно что свой... Всей душой буду с ним.

— И я всей душой, — проговорил Главный конструктор. — За всех вас болею. Такая уж моя участь. Вот и вы полетите.

— Я, видимо, еще не скоро.

— Теперь уже недолго, — уточнил Главный конструктор. — Самое позднее, года через три. А то и через два... Время летит быстро.

— Что это будет за полет? — поинтересовался Владимир.

— А вы как думаете? Ну-ка, расшевелите свое воображение. Я послушаю. — Главный конструктор с лукавой улыбкой смотрел на космонавта.

— Мне кажется, полетит звено кораблей «Восток». А может, и побольше...

— Не совсем так, — покачал головой Главный конструктор. — Отправить в космос три, даже четыре, пять «Востоков» не так уж сложно. Меня лично это не увлекает. Думаю, что и вас... Я мечтаю в ближайшем будущем поднять на космическую орбиту тяжелый многоместный корабль. Полетят в нем сразу три человека. А вам хочется поручить самое почетное и ответственное — возглавить экипаж. Согласны?

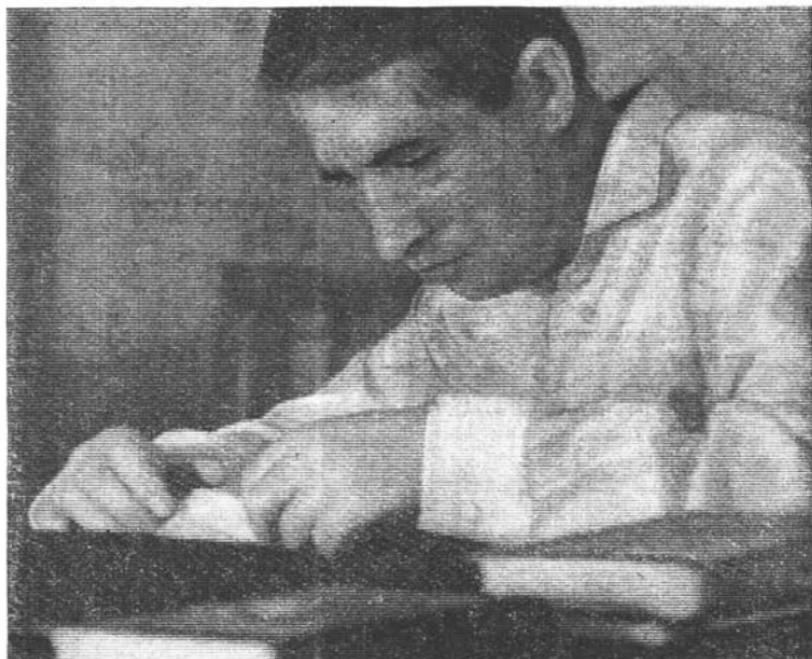
— Еще бы, с большой радостью! — воскликнул Владимир. — Я мыслю так: полетят ученый, врач и, понятно, командир экипажа.

— Космонавт-инженер. Все трое с высшим образованием, — продолжал Главный конструктор. — Новый этап в освоении космоса, новые задачи и, стало быть, новый уровень знаний космонавтов. Вы будете в полном смысле слова исследователями. Продолжите и по-настоящему развернете работу в космосе, начатую нашими первыми космонавтами. Сложно, конечно, но интересно.

— Ради такой идеи я на все готов... Любые сложности одолею! — горячо сказал Владимир.

— Верно, — ответил Главный конструктор. — Я знаю ваш характер. Возможно, потом мое мнение поддержит и Государственная комиссия. Сейчас мне трудно судить, одно вам скажу: готовьтесь.

И вот настал день 12 октября, когда Владимир Комаров, командир трехместного корабля, поднялся на лифте к вершине ракеты. Он в легком голубого цвета костюме. Владимир ступил на площадку, примыкающую к кораблю. За ним поднялись еще два члена экипажа — ученый Константин Петрович Феоктистов и врач Борис Борисович Егоров.



## МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ СЕГОДНЯ

Второй в экипаже — ученый. Сказать о нем, что он кандидат наук, влюблен в свою работу — значит почти ничего не сказать. Что с детства тянуло его к технике — опять не то. Можно сказать, любит книги и немножко спорт. Можно сказать о вдохновенной силе, героизме ума, вечном поиске, убежденности...

У него есть свои вехи в жизни, поворотные пункты, что ли. Он не очень-то щедр на слова и внешне несколько замкнут. При разговоре держит голову чуть вниз, и в этом наклоне и ладной фигуре его чувствуются собранность и упорство.

Издредка он вскидывает брови, и тогда становятся видны его внимательные, пытливые глаза с веселыми огоньками.

Жизнь его — настоящая повесть...

\* \* \*

Пять лет разницы в возрасте не были помехой его дружбы с братом. Обычные детские раздоры у них никогда не перерастали в продолжительную ссору, в отчужденность. Даже

увлечения у них были общие — оба каждую свободную минуту отдавали книгам.

Дружба между ними была не той обычной, которая существует между старшим и младшим, а несколько иной, связанной с общими стремлениями и неудержимым интересом к проблемам звездных полетов. Как-то Борис принес домой книгу Я. Перельмана «Межпланетные путешествия». Читали ее вместе, запоем, а когда была перевернута последняя страница, долго спорили о реальности дерзких проектов переселения на Луну, Марс и Венеру.

Тогда все казалось до удивления простым.

Константину было десять лет, когда в голозе созрел, как ему казалось, четкий и продуманный во всех деталях план: он полетит на Луну.

План получился обстоятельный и учитывал все: время на постройку межзвездного корабля, подготовку к дальнему рейсу, сбор необходимых атрибутов в дорогу. Он захватит с собой карту Луны, вырезанную из старого журнала, и глобус. Последний нужен для того, чтобы выбрать место посадки при возвращении на Землю. Следует взять паяльник и другие инструменты. «Мало ли что может случиться в дороге».

\* \* \*

Говорят, что все проверяется временем. Константина в этом убедило то, что брат вскоре «изменил» космосу. Его все больше привлекала романтика военной службы.

Началась война.

Мария Федоровна всплакнула, тревожась за старшего сына.

Через несколько дней вызвали в военкомат Петра Павловича. Отец ушел на фронт.

В сентябре почтальон принес короткое извещение: «Лейтенант Феоктистов Борис Петрович погиб в боях с фашистскими захватчиками...» Из двух космических мечтателей в семье остался один.

Случилось несчастье с Константином в те самые летние каникулы, которые совпали с началом сурового лета 1942 года. Фашисты подходили к городу... Выбор был сделан сразу.

Написал заявление, пришел в областной военкомат. Не взяли. Фашисты продолжали наступать.

Ушли из города и Мария Федоровна с сыном. Ушли, захватив с собой лишь маленький узелок.

В деревне Верхняя Хава остановились в крестьянской избе. Уставшая мать задремала у печки, а он сбегал, встретил группу военных. Покрутился вокруг них, разузнал, кто старший, и прямо к нему. Подполковник Юрышев сразу припомнил паренька, который еще в Воронеже не раз появлялся в военкомате.

— Ладно, настырный, будешь разведчиком, и вот тебе первое задание. Надо пробраться в город и разузнать, много ли немцев там и где они располагаются. Смотри в оба, но будь осторожен.

Утром следующего дня отправился Константин в свою первую разведку. Шел полем, пять километров на виду у всех. Сказалась неопытность. Да и что он мог понимать в военной тактике в свои шестнадцать лет.

Осталось в стороне местечко Придача, где удерживали позиции наши войска. Потом начался подъем в гору. Константин прошел по знакомым улицам в дальний конец города, покрутился у здания, где толпились немцы. Решил, что это штаб, приметил места, где фашисты устанавливали свои орудия. А когда часовой схватил за рукав вездесущего паренька, заплакал.

Немец долго кричал на него, грозил дулом автомата и, вида, как растет испуг в детских глазах, издевательски хохотал.

И все-таки в этот раз Константину удалось убежать. К своим добрался без приключений. Сведения, которые он собрал, пригодились. Юрышев внимательно выслушал его, записал, сделал отметки на карте.

— А ты молодец, малыш! Из тебя получится настоящий боевой разведчик.

Во вторую разведку Константин шел уже не один. Давал, как говорят, «провозные» Кольке. Тот был года на два помоложе. Юрышев растолковал ребятам, что от них требуется, подсказал, как вести себя, чтобы не привлечь внимания фашистов, просил не задерживаться.

Увлечшись поиском новых данных о гитлеровцах, ребята не заметили, как попали в район пустынных улиц.

Казалось, уже все рассмотрели и можно возвращаться к своим, когда Костю поманил к себе долговязый фашист с молниями на петлицах и на рукавах.

«Эсэсовец», — подумал Костя про себя и с независимым видом шагнул вперед.

Фашист больно ударил его по лицу и что-то закричал. Константин не мог разобрать его слов, да и не знал он немецкого языка. Понял одно — фашист страшно зол и угрожает ему. Потом подошел второй эсэсовец с крестом на груди. Он хотя и плохо, но говорил по-русски.

Одно словес немец повторял чаще других: «Шпион! Шпион!» Потом фашисты долго таскали его по городу, били рукояткой пистолета по голове и все грозились пристрелить.

Остановились около ямы. Фашист поиграл перед его носом черным дулом пистолета, поскалил желтые зубы и... нажал курок. Выстрел прогремел неожиданно. Острая боль обожгла подбородок и отозвалась где-то у затылка. Глаза заволочла темная пелена.

Очнулся он в яме. Было холодно и сыро. Сколько времени он пролежал в ней, сказать трудно. Попробовал приподняться. Удалось, но с большим трудом. Голова болела, шея тоже. Рубаха мокрая. Попробовал — кровь. Рядом, уткнувшись в землю, лежал человек. Он толкнул его, потом позвал тихонько:

— Дядь, а дядь...

Лежачий не отозвался.

«Мертвый», — подумал Костя, и от этой мысли стало жутко. С трудом выкарабкался наверх. Темнело. Вокруг ни души. Солдаты ушли, решив, видимо, что он убит. Где-то вдали продолжали громыхать взрывы.

Потом, словно из-под земли, появился Колька. Испуганный и озябший, он был похож на котенка. Они ничего не сказали друг другу. Да и что говорить. Надо скорее бежать, бежать к своим...

Это была его последняя разведка. Потом попал в госпиталь. Здесь-то и нашла сына Мария Федоровна.

\* \* \*

...Кончилось лето. Кончилась и военная служба Константина. Мать увезла его в узбекский город Коканд, подальше от фронта. Там он окончил десятый класс, а в 1943 году приехал в Москву, поступать в авиационный институт.

В авиационный его не приняли. Нет, не потому, что не прошел по конкурсу. Просто опоздал. Посоветовали поступать в МВТУ.

Семестр за семестром шла учеба. С жадностью слушал Константин лекции по механике и физике.

Учился он вдумчиво.

Когда стали читать теорию движения ракет, учеба предстала в ином свете. Сколько интересного было в этой науке, и столь близка была она к его юношеской мечте, что он всего себя без остатка отдавал новому предмету. А сколько книг он перечитал по этим самым двигателям! Знал всю историю от Циолковского до наших дней.

В общежитии их было пятеро: Павлов Борис, Коговцев Иван, Бондарчук Леонид, Ануфриев Владимир и Константин. Все пятеро с одного курса, из одной группы. Все пятеро одержимых, влюбленных в свою будущую специальность «до мозга костей». До поздней ночи слышали стены маленькой студенческой комнаты споры о ракетах и космосе, о звуковых скоростях и межпланетных полетах, о квантовой теории и кибернетике.

После защиты дипломного проекта Константин получил назначение на завод в Златоуст. Мечты о космосе разбились на обычные будни обычного завода. Ну, что тут будешь делать? Бежать, искать заветную дорожку? А как же долг, совесть? Нет, он не мог оставить завод.

Ушел в работу весь, с головой. Производственные дела у коллектива шли незавидно. Количество сдаваемой продукции не соответствовало возраставшему плану. А от завода требовали все больше и больше изделий. И вот тогда родилась в конструкторском бюро идея автоматической линии. Претворяли ее в жизнь инженеры с практиками вместе.

Не жалея ни сил, ни времени, Константин «колдовал» с товарищами над схемой линии.

Перед пуском автоматической сутками не уходили с завода.

Ребята ходили как шальные, едва держались на ногах. Комсомольцы притащили в цех огромный плакат «Даешь автоматическую линию!». Легко сказать: даешь. Неделю уйма, а сроки поджимают. Да и опыта не было. Ведь впервые пускали автоматический цикл. И все-таки «дали».

\* \* \*

Потом пришло извещение, что его приняли в аспирантуру. Последние дни на заводе все сильнее чувствовал подвигающую к сердцу тоску. Жаль было расставаться с теми, кто помог ему получить первую трудовую закалку, помог вникнуть в ритм производства.

В Москве состоялось знакомство с его новым учителем. Научным руководителем был у него известный академик, один из зачинателей отечественного ракетостроения. Еще до их первого знакомства он много слышал о нем и читал. Сотрудник ГИРДа, конструктор первых ракетных ЖРД, крупный теоретик... Под началом такого можно многому научиться, многое познать.

Как начался путь в большую науку. Однажды академик вручил ему маленькую книжонку:

— Прочитайте, Константин Петрович. Любопытная вещь, при том уникальный экземпляр. Мне его подарил Константин Эдуардович.

Константин держал в руках одну из тех книг, которые были изданы в Калуге много лет назад на средства К. Э. Циолковского. С волнением листал он страницу за страницей, внимательно просматривал формулы и расчеты, и перед ним все с большей отчетливостью рисовались проблемы лунного полета, полета его мечты.

Отечественное ракетостроение шло уверенно вперед, наглядно показывая, что потенциальные возможности ракет грандиозны. Это блестяще подтверждалось рядом экспериментов, когда с целью изучения состава, плотности и температуры верхних слоев атмосферы в Советском Союзе начиная с 1949 года запускались исследовательские и метеорологические ракеты с различными приборами. В специальных капсулах поднимались собаки и опускались затем с помощью парашютов.

Стала ясна возможность в самое ближайшее время широко использовать ракеты в интересах познания окружающего Землю мира и для полета на другие планеты солнечной системы. Именно эта сторона привлекала внимание Константина. После защиты диссертации он попал в один из институтов Академии наук. Здесь тоже занимались созданием необходимых сложнейших комплексов для изучения космического пространства.

4 октября 1957 года стартовала ракета, которая вывела на орбиту вокруг Земли первый в мире искусственный спутник. С этого дня Константин Петрович еще больше поверил в реальность своего плана. Он перестал быть далекой юношеской мечтой. Да и сам ученый вышел уже из того возраста, когда только мечтают. Он научился сочетать высокий полет теоре-

тической мысли с практикой жизни. Когда-то абстрактная схема звездного неба уже превращалась в штурманскую карту звездолетов.

Советские конструкторы создавали замечательные корабли. Он был знаком с их устройством, знал возможности. Свидетельство тому — два ордена Трудового Красного Знамени, которыми наградила его страна за развитие науки и техники.

Ученых нельзя назвать фантастами. Они живут научным предвидением. Каждый из них, кто работает в области космоса, мысленно достиг Луны и Марса. Константин Петрович тоже «побывал» там. И все же подвиг Юрия Гагарина потряс и его — работника науки. На практике совершилось то, к чему был подготовлен ум, что испытывало сердце. В космос проникли уже не одни только механизмы, какой бы совершенной ни была их автоматика, уже не только растения и животные с Земли, но и сам мыслящий мозг, человеческая воля.

Корабль «Восток»... Был он вехой и на пути ученого. Все вроде было сделано, все проверено. А как проявит он себя там, в полете? Телеметрия соберет и передаст на Землю многие данные, многое расскажет пилот-космонавт. Многое... но не все. Все прочувствовать можно только самому. Он должен лететь.

Так и начался этот путь в космос. Он доказывал необходимость включения в экипаж ученого. Прямо сейчас, на первом этапе. Доказывал страстно, горячо, убедительно. И выдвигал это не как идею — сама по себе она не нова, а как программу научного поиска.

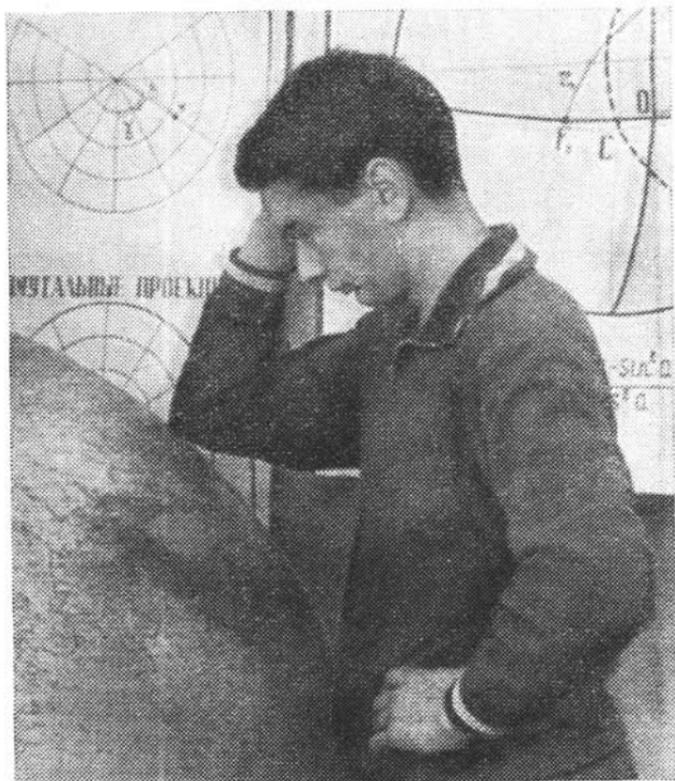
Себя не выпячивал, хотя и были крылья у его мечты. Пусть не обязательно он, пусть другой ученый или конструктор, пусть кто-либо из его товарищей, коллег. Но если позволят ему, он готов.

Не сразу получилось все, как хотелось. Не потому, что не приняли его предложение. Об этом думали и знали раньше. Это должно было быть закономерным этапом на «космическом пути», этапом, без которого трудно продвигаться дальше. Но тогда, в 1961 году, не было еще условий. Многое было не ясно. На первый полет визу давали железная сила вытренированных мышц, выносливость организма, летные навыки. Вот почему первыми право на полет получили летчики.

В ожидании решения Константин не сидел сложа руки. Он работал, работал много. И в то же время готовил себя. Ему удалось испытать невесомость в полетах на специальных самолетах. Он прошел цикл тренировок. Он упрям хорошим упрямством, он добивался своего.

Он был в звездном полете, в составе экипажа корабля «Восход». Стало быть, сегодня сбылась мечта, к которой он шел почти четверть века.

Еще вчера полет троих в одном космическом корабле мог показаться фантазией... Сегодня — это реальность дня. Помните слова великого Горького: «Все на Земле создано напряжением нашей воли, нашей фантазии, нашего разума. Необходимо, чтобы человек сказал себе: я могу! Не нужно бояться дерзости или безумства в области труда и созидания...»



## ВРАЧ С ГОЛУБОЙ ПЛАНЕТЫ

Кто же тот, третий, из экипажа легендарного корабля «Восход»? Кто он, кого мы называем «космическим врачом»? Каким путем пришел он в космос?

Мы разговаривали с ним незадолго до старта. Электропоезд шел в Москву.

Он начинает не сразу. Слова произносит отрывисто, словно отрезает.

— Семья наша медицинская: отец — хирург, мама была глазным врачом. Она у нас была очень веселая, добрая и все умеющая. Лечила людям глаза, а очень любила математику. Знала три иностранных языка. Выучила сама. «Потрудишься — научишься», — любила она повторять народную поговорку.

Мама хорошо рисовала. У нас дома много ее картин. Любила петь и играть на пианино.

Она умерла, когда мне было четырнадцать лет...

Он помолчал.

— Однажды ночью мы бродили с отцом по городу, по старым московским переулкам, — продолжал он после некоторого раздумья. — Блестел мокрый асфальт. Фонари светили в мгlistом воздухе. Тогда я спросил отца: «Как мне быть?» Он добродушно рассмеялся: «Выбирай сам!» — а потом добавил: «Да велика ли твоя жизнь? Подожди, не торопись, до всего очередь дойдет. Подрастешь немного и решишь сам... Поступай, как хочешь, только учись хорошо и в люди выйдешь».

Отец не раз рассказывал о своем трудном пути. Это была тяжелая и суровая школа жизни. У мамы она была не легче.

Может быть, ее увлечение точными науками передалось и Борису. Правда, не в теоретическом, а прикладном виде. Мастерил радиоприемники и различные устройства. Хотелось, чтобы за него все делали автоматы...

На столе, над кроватью и везде, где только можно, монтировал кнопки и тумблерчики для того, чтобы радио и свет можно было включать, не вставая с дивана. Дверь и окно открывали специальные моторчики, даже ящик стола выдвигался и задвигался по «желанию» владельца. Ребята говорили: «Комната лентяя». А ему нравилось. Правда, хаос кругом был страшный.

— Когда учился в десятом классе, собрал телевизор на восьми лампах. Качество изображения было неважным, слабым, зато телевизор получился легким и маленьким.

После школы подал документы в медицинский. Почему? Сам не знаю. Ребята говорили:

«Зря ты, Борис, пошел в медики».

«Это почему?» — спрашиваю.

«Ну, что хорошего с трупами возиться? Пенициллин большим прописывать? То ли дело — радиоэлектроника. Кибернетические машины строил бы».

Но я твердо верил, что с техникой кончено. Даже телевизор свой подарил товарищу. Твори, мол, дальше, я по врачебной стезе пойду...

Так думал тогда. Но ошибся. На лечебном факультете было много интересного. Ребята занимались в разных кружках, днями и ночами пропадали в анатомичке, а меня потянуло на кафедру физики. Там под руководством профессора Левинцева студенты-старшекурсники колдовали над созданием медицинского оборудования.

Это было по душе Борису. Представьте: радиотехника и медицина. Что может быть интереснее? А главное — простор.

Каких только аппаратов не придумывали! Идеи рождались каждый день. А вот с воплощением их было трудно: то одной детали не хватало, то другой.

Собрал как-то профессор студентов и предложил:

— На кафедре вам тесновато, ребята. Вот рекомендательное письмо в НИИ медицинских инструментов и оборудования. Кто хочет, может туда пойти.

Желающие, конечно, нашлись. Ну и Борис тоже пошел. Встретили студентов хорошо. Да и простору для «дерзаний» там было больше.

В те времена частенько Борис задумывался над тем, что же его больше влечет: инструментальная медицина или обычная, клиническая. Выбрать не так-то просто. Много интересного есть и там и там.

Борис пошел третьим путем. Поманила и увела за собой космическая медицина. Сейчас уже забылось, с чего это началось. Кажется, была заметка в журнале. Запоем читал статьи о физиологии и психологии высотных полетов, перегрузках и невесомости. Говорят, у каждого есть призвание. Нужно только найти его.

Помог случай, а вернее, один знакомый. Перешел тогда Борис на шестой курс. План был такой: работать и учиться. Поначалу все казалось простым. Отсидел на лекциях или отдежурил в клинике, а потом — до ночи в научно-исследовательском институте. Там и учебник можно почитать и конспекты полистать. Но легко давать себе обещания и труднее выполнять их!

Навсегда запомнилась Борису зима 1961 года — тогда шла подготовка космического полета. Отобранные для первых рейсов кандидаты в космонавты проходили тренировки в сурдокамере. Борис Егоров дежурил у регистрирующих приборов. Рядом, за толстой, звуконепропускаемой дверью находился будущий командир звездного корабля. Испытание на длительное одиночество. Проходят сутки за сутками. За стеной кипит жизнь, а туда не проникает снаружи ни один звук. Точно по расписанию выполняли космонавты задание психологов, работали с красно-черной таблицей. А Борис все думал, как трудно, должно быть, оставаться наедине с самим собой.

Валерий Быковский проходил эксперимент первым. В маленький глазок и на экранах телевизоров было видно, как он расхаживал, меряя шагами короткое расстояние от стены до стены. Тогда-то Борис слышал, как читает стихи Герман Титов, певущий голос Павла Поповича.

В лаборатории все время жили ответственность и тревога. Ответственность за качество эксперимента. Тревога — за человека, который там, за стеной. Ведь это были первые эксперименты.

Работа увлекала. Электрофизиология, которой Егоров начал заниматься серьезно, открывала новые горизонты в науке, ее границы каждый день раздвигались, и порой казалось, что за ними лежат своего рода неведомые страны, которые ему предстоит еще открыть.

Каждый день он приходил в лабораторию. По вечерам, когда кончался рабочий день и большинство сотрудников уходило, в институте все менялось. Будто тишина оставалась хозяином всего. Набирал грудку отчетов и зачитывался ими до поздней ночи. Тишина и безлюдье помогали сосредоточиться, и наедине с томами и папками Борис предавался размышлениям.

Все больше сужался круг интересующих его проблем. Путь был окончательно избран. Говоря научным языком, он стал заниматься вопросами полиэффекторной оценки состояния ре-

цепторов вестибулярного аппарата. Того самого аппарата, который столь подвержен влиянию невесомости. Помните полет Титова? Тогда об этом писали много.

Вредна или нет длительная невесомость? Как найти ответ?

И в чем трудность — пока еще врачи в космических полетах не принимали участия. Правда, они незримо «присутствовали» в кабине корабля в виде датчиков телеметрии. Но ведь датчик всего не расскажет.

С жадностью набрасывался Борис на все новинки. Выискивал в библиотеке журнальные статьи, посвященные проблемам космической медицины. Но работа требовала гораздо большего теоретического багажа. Снова надо было садиться за книги, вспоминать физику и электротехнику, да и другое. И не только вспоминать, но и продвигаться дальше, на новую ступень.

Перед окончанием института Егорова назначили младшим научным сотрудником. А вскоре включили в группу врачей-парашютистов, которые должны были обследовать космонавтов на месте приземления. Легко сказать: врач-парашютист. Первым Борис уже стал, а вот вторым...

Когда над головой появился купол и вместо безудержного падения начался плавный спуск, парашютизм предстал для Бориса совсем в ином свете. Понравилось. Почувствовал, что куполом можно управлять и падать не куда-либо вниз, а точно в заданное место. Правда, встреча с землей была менее приятной. От сильного удара болели ноги. Сказалась неопытность. Зато в последующих прыжках он уже научился мягко амортизировать и очень сожалел, что цикл обучения состоял только из девяти прыжков.

Когда должен был лететь в космос Юрий Гагарин, группа врачей-парашютистов — в их числе и Егоров — находилась на одном из далеких аэродромов. Ждали сообщения со старта. Время тянулось медленно, и, чтобы как-то скоротать его, стали играть в футбол: десантники на летчиков. А тут команда — лететь! Штурман на ходу забросил портфель с картами в самолет, все буквально в секунду протиснулись в бортовой люк. В салоне началось такое, что трудно передать. Два кавказца из десантной команды выпясывали лезгинку, да так, что все ходуном ходило. А первый пилот кричал в эфир: «Ура! Ура!»

Нарушение, конечно. Не положено такое в полете. Но ведь радость была неудержимая.

Потом стартовали в космос Титов, Николаев, Попович, Быковский и Терешкова. И снова группа разъезжалась по «точкам».

По данным телеметрии, переданным с борта корабля, врачи должны были делать анализ состояния космонавта и докладывать на пункт управления полетом.

В полетах регистрировалось все: биотоки сердца — снимается электрокардиограмма, биотоки мозга — электроэнцефалограмма, давление крови, пульс и многое другое. Это позволяло заметить самые незначительные отклонения от нормы. К счастью, их не было.

Дежурили круглосуточно. После смены ребята уходили утомленные, с посеревшими от бессонной ночи лицами.

Более детально и глубоко телеметрические данные обраба-

тивались после полетов. Работы хватало. После каждого космического рейса врачи получали огромное множество данных. Бориса больше всего интересовали рецепторы вестибулярного аппарата. Стал писать диссертацию. Ее и собирается теперь защищать.

У Бориса глаза очень интересные: небольшие, серые, с четко очерченными бровями. Так, ничего особенного. А вот сколько вы ни говорили бы с ним, он ни разу не отведет их в сторону. Такие глаза, наверное, могут часами следить за пляшущими кривыми самописцев, бегом осциллограммы, дыханием точнейших приборов. В них, глазах его, любопытство и какой-то едва уловимый детский восторг...

Лицо у него волевое, крутой изгиб губ, подвижные брови, короткая стрижка. Борис — научный сотрудник. А улыбнется — студент студентом. Видимо, не отстоялось еще то самое, ученое. Может, его и не надо слишком, а все-таки без него не обойтись: скоро диссертацию будет защищать.

Он уже имеет немало научных работ, в институте его считают способным и добросовестным работником. Несмотря на молодость, ему доверяют многое. Знают, что справится. Он награжден значком «Отличник здравоохранения».

Борис любит футбол. Когда речь заходит о последнем матче «Спартак», он грустно улыбается, слегка сдвинув разлет бровей, вздыхает с сожалением:

— Обидно за ребят. Одни нули! Лет десять такого не было.

Детство его промелькнуло в Москве. В пионеры принимали его в 167-й московской школе, что на Дегтярном. Потом он был звеньевым в пионерском отряде.

В 1952-м ему вручили заветную книжечку с силуэтом Ильича. Тогда же его назначили пионервожатым в младших классах. Ребята души не чаяли в новом вожатом. Он и в музеи их водил и в кино, вместе с ними играл в футбол, помогал отстающим, был строгим и добрым. А попросту — справедливым.

Может быть, именно за эти качества студенты курса избрали его комсомольским секретарем.

В институте не помнят соревнований без его участия. Как-никак председатель альпинистской и горнолыжной секции, да и в ручной мяч здорово играл. В кубке Москвы участвовал.

Пять лет он учился вместе с Элеонорой Мордвинкиной, а потом они поженились...

У них маленький сынишка, который носит имя отца и деда. Третий Борис родился весной 1962 года, а второй в это время был на XIV съезде комсомола.

Последнее время мы все чаще и чаще произносим слово «космонавт». Порой ему придается какой-то узкий смысл. А ведь это неверно. История, искусство, радиотехника и медицина, ракеты и электроника, метеорология и спорт, поэзия и астрономия, биология и геофизика... Все это нужно человеку новой профессии. Вот что такое космонавт.

